

The image is a book cover for 'Ледяной маг' (Ice Mage) by Сергей Патрушев. It features a close-up of a man and a woman in fantasy attire. The woman, in the foreground, has long, wavy blonde hair and striking blue eyes. She wears a dark blue, intricately detailed coat with gold embroidery and a thick white fur collar. A necklace with blue gemstones is visible. The man, partially visible behind her, has a beard and blue eyes, wearing a similar dark blue coat with a red scarf. In the bottom right corner, there is a bright, glowing blue magical energy or lightning bolt. The overall tone is dramatic and epic.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЛЕДЯНОЙ МАГ

Сергей Патрушев
Ледяной маг

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ледяной маг / С. Патрушев — «Автор», 2026

История о Леоне, маге льда, достигшем почти божественного могущества, но заплатившем за него человечностью. Хладнокровный и расчётливый. Он служит богатейшему аристократу Николаю Воронцову, устраняя врагов одним движением руки. Его ледяное спокойствие нарушает Дарья — жена Николая, избалованная красавица, чья дерзость сначала раздражает, а затем пробуждает в Леоне давно забытые чувства. Но за силой мага скрывается проклятие: его дар постепенно пожирает душу, и лишь древний артефакт, которым владеет Николай, удерживает его от превращения в бездушного элементаля. Леон оказывается заложником собственного могущества и чужих интриг. Чтобы обрести свободу, ему придётся сделать выбор между вечностью раба и одним днём настоящей жизни. Это история о любви, способной растопить лёд, и о цене, которую платят за шанс стать человеком.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Холодное Сердце	5
Глава 2. Избалованная Роза	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Ледяной маг

Глава 1. Холодное Сердце

Снег здесь никогда не таял. Это было не преувеличение и не поэтическая метафора — это была суровая, неумолимая реальность северных рудников семьи Воронцовых. Он лежал повсюду: на острых гранитных выступах скал, на покосившихся крышах бараков, на плечах каторжников, смешиваясь с угольной пылью и потом в серую, вязкую кашу, которая застывала на одежде ледяной коркой.

Даже в самые тёплые летние месяцы, когда солнце всё же пробивалось сквозь тяжёлые свинцовые тучи, снег лишь слегка подтаивал сверху, чтобы к ночи снова схватиться хрупким настом. Это было проклятое место. Место, где человеческая жизнь стоила дешевле, чем кирка, которой её добывали, дешевле, чем телега угля, дешевле, чем глоток тёплой воды. И именно сюда, в это царство вечной мерзлоты и бесконечного отчаяния, привело Леона очередное поручение.

Он стоял на гребне обледенелого утёса, возвышаясь над рудником, словно изваяние какого-то древнего, забытого бога. Его длинный плащ, подбитый мехом белого волка, казался абсолютно неподвижным, хотя ветер здесь, на высоте, дул с такой неистовой силой, что мог сбить с ног взрослого, крепко стоящего мужчину. Ветер выл, завывал, бросал в лицо колющие пригоршни снега, но всё это словно обтекало фигуру Леона, не смея коснуться его. Вокруг него существовала невидимая граница, зона абсолютного штиля, где воздух был неподвижен, а температура подчинялась лишь его воле. Он не чувствовал холода. Он не помнил, когда в последний раз вообще что-то чувствовал — физически или эмоционально. Холод был его сутью, его стихией, его продолжением. Холод был им самим.

Леон был магом льда. Не просто магом — легендой. Архимагом. Существом, стоящим на пороге божественности, перешагнувшим те границы, о которых обычные маги боялись даже мечтать. Его имя произносили шёпотом в академиях, его силу обсуждали в королевских советах, его появление предвещало перемены — редко к лучшему. Говорили, что его сердце давно превратилось в кусок вечного льда, не способный ни к любви, ни к жалости, ни к состраданию. Говорили, что его взгляд может заморозить кровь в жилах, а дыхание — остановить лавину или обратить вспять течение реки.

Говорили, что он продал свою душу за могущество, что он убил сотню магов, чтобы забрать их силу, что он не человек вовсе, а демон, принявший человеческое обличие. Большинство слухов были преувеличены, искажены, приукрашены народной молвой, но в одном они были убийственно правы: Леон был абсолютно, пугающе, противоестественно хладнокровен. Он не был жесток — жестокость подразумевает наличие эмоций, получение удовольствия от чужой боли. Он был эффективен. Как скальпель в руках опытного хирурга. Как математическая формула, описывающая закон Вселенной. Как сама зима, которая приходит и уходит, не испытывая ни радости, ни сожаления.

Его нанял Николай Воронцов, наследник одной из богатейших и влиятельнейших семей империи. Задание было сформулировано просто, но за этой простотой скрывалась неприглядная, грязная изнанка: усмирить бунт. Шахтёры, доведённые до отчаяния бесчеловечными условиями труда, постоянным голодом и откровенным произволом надсмотрщиков, подняли восстание. Это было не просто недовольство — это был взрыв ярости, копившейся годами, десятилетиями, передававшейся от отца к сыну вместе с мозолями на руках и шрамами на спинах. Они захватили склад с продовольствием, убили нескольких надсмотрщиков — самых жестоких, самых ненавистных — и теперь держали оборону в главной штольне, отказываясь выходить, пока их требования не будут выполнены.

Требования были простыми: увеличить паёк, сократить рабочую смену, прекратить избияния. В любом другом мире, в любом другом обществе эти требования показались бы элементарными, базовыми, само собой разумеющимися. Но в мире Воронцовых они звучали как дерзкое оскорбление, как покушение на священные основы миропорядка.

Николай не собирался выполнять требования. Зачем договариваться с быдлом, когда можно просто показать им силу? Он мог бы послать отряд наёмников, чтобы вырезать бунтовщиков, но это было бы грязно. Кровь, крики, долгие разбирательства, возможные свидетели, недовольство других аристократов, которые могли бы счесть его слишком жестоким. Леон был чище. Точнее. Элегантнее.

Он не оставлял следов, не поднимал шума, не создавал лишних проблем. Он просто приходил и делал то, что должен был сделать. В этом была его репутация, и именно за это ему платили баснословные суммы, которые могли бы прокормить целый город в течение года.

Леон сделал шаг с утёса. Не прыгнул, не полетел — именно шагнул, как шагают по лестнице или по ровной дороге. И воздух под его ногами мгновенно уплотнился, формируя идеально гладкую ледяную платформу, которая возникала ровно в тот момент, когда его нога должна была коснуться пустоты. Он спускался к руднику неторопливо, размеренно, с абсолютной уверенностью существа, которое знает, что сама стихия ему подчиняется. И с каждым его шагом вниз температура падала.

Сначала едва заметно, на пару градусов — так, что люди внизу почувствовали лёгкий озноб, но не придали этому значения. Потом резко, до минус двадцати — так, что дыхание начало вырываться изо ртов густыми клубами пара, а пальцы начали коченеть. Потом ударил мороз такой силы, что металл начал трескаться, издавая жалобный, протяжный скрип, а вода в бочках мгновенно превратилась в сплошной кусок льда, разорвавший деревянные стенки изнутри.

Люди внизу — и бунтовщики, и охранники, оставшиеся верными Воронцовым, — почувствовали это одновременно. Это была не просто стужа, не просто аномальное похолодание. Это было первобытное, животное чувство надвигающейся гибели, которое живёт где-то в самой глубине человеческого существа, в древней части мозга, отвечающей за выживание.

Это был тот самый инстинкт, который заставлял древних людей прятаться в пещерах при приближении хищника. Воздух стал колким, как битое стекло, каждый вдох обжигал лёгкие, иней мгновенно покрыл всё вокруг — канаты, тачки, оружие, одежду, волосы, брови. Всё побелело, словно сама реальность выцвела, потеряла краски, превратилась в монохромную картину.

Стражники узнали его. Они видели, как он спускается с утёса, и поспешили укрыться, прижимаясь к стенам, вжимаясь в щели, стараясь стать как можно незаметнее. Они слышали о нём. Они знали, что происходит, когда Леон приходит решать проблему. Никто из них не хотел оказаться в радиусе его магии. Они смотрели на него с тем же выражением, с каким смотрят на приближающуюся снежную лавину — с ужасом, восхищением и надеждой, что тебя она не заденет. Бунтовщики, собравшиеся у входа в штольню, замерли.

Некоторые из них, самые отчаянные, самые смелые или самые глупые, подняли свои жалкие кирки и лопаты, но их глаза уже были полны страха. Они поняли, что их бунт закончился, что все их усилия, вся их смелость, вся их боль — всё это сейчас будет перечёркнуто одним существом, спускающимся с небес. Их оружие было смехотворным. Их шансы равнялись нулю. Они знали это, и всё же не разбежались, не бросились врассыпную — то ли из гордости, то ли из отчаяния, то ли просто потому, что ноги примёрзли к земле.

Лидер восстания, огромный мускулистый мужчина с прокопчённым угольной пылью лицом, вышел вперёд. Его звали Григорий. Он был известен на рудниках как человек несгибаемой воли, как тот, кто никогда не склонял головы перед надсмотрщиками, кто всегда заступался за слабых, кто делился последним куском хлеба с голодными. Он не был похож на труса. В его жилах текла кровь бунтарей, и он давно смирился с мыслью, что умрёт за свои убеждения. Он сжимал в руке окровавленную дубинку — ту самую, которой он убил надсмотрщика, издевавшегося над его сыном. Его дыхание вырывалось клубами густого пара, но он не дрожал. Его глаза горели яростью, которая была сильнее страха.

— Ты! — закричал он, стараясь перекрыть вой усиливающегося ветра. Голос его был хриплым, сорванным, но в нём звенела такая сила, что казалось, он может разбить скалы. — Ледяной пёс Воронцовых! Ты пришёл убить нас? Ну, давай! Мы не сдадимся! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

Леон даже не замедлил шаг. Его лицо, красивое, с точеными, почти аристократическими чертами, было обращено к Григорию. Он смотрел на него не как на врага, не как на человека, не как на живое существо. Он смотрел на него как на неодушевлённый предмет. Как на камень, который нужно убрать с дороги. Как на задачу, которую нужно решить. В его глазах не было ни гнева, ни презрения, ни даже интереса. Только холодное, бесконечное равнодушие.

Он поднял руку. Это было простое, почти ленивое движение, лишённое всякой театральности. Никаких заклинаний, никаких пассов, никаких магических формул, произносимых вслух. Просто лёгкое, едва уловимое движение, каким отмахиваются от назойливой мухи. Но этого было достаточно. Энергия, древняя и неукротимая, прошла сквозь него, как река проходит сквозь разрушенную плотину. Воздух вокруг Леона сгустился, превращаясь в видимую призрачную дымку, в которой мерцали крошечные кристаллики льда. А затем мир вокруг Григория и его товарищей взорвался льдом.

Это не был лёд, который замерзает постепенно, — как лужа замерзает в морозную ночь, как сосулька растёт под крышей. Это был мгновенный, катастрофический, почти неестественный переход материи в кристаллическое состояние. Влажность в воздухе, вода в почве, капли пота на коже, влага в дыхании, слёзы в глазах — всё это в радиусе десяти метров схватилось в единый монолит. Лёд рос не снаружи — он рождался изнутри, из самой сути вещей, из каждой молекулы, из каждого атома. Это было не замораживание. Это было переписывание реальности.

Григорий так и остался стоять с поднятой дубинкой, с открытым в яростном крике ртом. Но его кожа стала бледно-голубой, почти прозрачной, глаза остекленели, а на бровях и бороде выступил густой, белый иней. Он превратился в статую. В отвратительный, идеально точный слепок собственного ужаса и собственной ярости. В его застывших глазах навсегда запечатлелась последняя эмоция — не страх, а удивление. Он не ожидал, что смерть придёт так быстро.

Остальные бунтовщики, кто не успел отбежать, разделили его участь. Пять... десять... пятнадцать замороженных тел. Некоторые из них пытались бежать, и их позы, застывшие в движении, выглядели гротескно, почти карикатурно. Один замер, пригнувшись, закрывая голову руками. Другой — на полпути к спасительной двери, с вытянутой вперёд рукой. Третий — с выражением абсолютного, животного ужаса на лице, с широко раскрытыми глазами и перекошенным ртом. Они были похожи на восковые фигуры. На экспонаты какого-то чудовищного музея. Напоминание о том, что бывает с теми, кто осмеливается поднять руку на семью Воронцовых.

Всё закончилось за три секунды. Три секунды — и бунт, зревший месяцами, вспыхнувший яростным пожаром, был подавлен. Три секунды — и пятнадцать человек превратились в ледяные изваяния. Три секунды — и Леон продемонстрировал, почему его услуги стоят целое состояние.

Наступила оглушительная тишина. Та самая тишина, которая бывает только после сильного снегопада или в склепе. Тишина, которая давит на уши, которая кажется физически ощутимой, которая поглощает все звуки. Охранники боялись поднять глаза. Оставшиеся в живых шахтёры, те, кто прятался в глубине штольни, смотрели через щели в баррикадах с выражением абсолютного, парализующего ужаса. Они видели, как их лидер, их сила, их надежда, их символ превратился в лёд быстрее, чем успел моргнуть. Они видели, как их товарищи, их братья, их друзья стали частью ледяного пейзажа. И они понимали, что каждый из них мог быть на их месте.

Леон опустил руку. Движение было таким же спокойным, таким же лишённым эмоций, как и всё, что он делал. Он повернулся к начальнику охраны рудника, дрожащему человеку в меховом тулупе, который стоял ни жив ни мёртв, прижавшись к стене склада. Его лицо было белее снега, его зубы стучали, его руки тряслись. Он смотрел на Леона так, как смотрят на саму смерть.

— Бунт подавлен, — произнёс Леон. Его голос был тихим, ровным, лишённым всякой интонации. Но в этой тишине он прозвучал как удар колокола, как раскат грома, как глас божий. — Трупы убрать. Если кто-то ещё захочет проявить неповиновение, напомни им, что здесь произошло.

Начальник охраны судорожно закивал, не в силах вымолвить ни слова. Его подбородок дрожал, в глазах стояли слёзы — слёзы не сочувствия, а чистейшего, животного страха. Он видел смерть в бою, он видел казни, он сам убивал. Но то, что он увидел сейчас, было за гранью его понимания. Это была не битва. Это было истребление. Это была демонстрация силы, перед которой всё его существо трепетало.

Леон развернулся и пошёл прочь, оставляя за спиной ледяное кладбище и сломленных людей. Он не оглянулся. Ему не нужно было оглядываться. Он знал, что оставляет позади:

пятнадцать ледяных статуй, которые будут стоять там, пока не наступит весна, — а может, и дольше, если он перестарался с морозом. Он знал, что эта история разнесётся по всей империи, что его имя будут произносить с ещё большим страхом, что его репутация станет ещё более зловещей. И ему было всё равно. Он выполнил работу. Он получит свою плату. Это всё, что имело значение.

Особняк Воронцовых в столице был полной противоположностью рудникам. Это был другой мир, другая вселенная, другое измерение. Здесь царили тепло, свет и роскошь, от которой захватывало дух. Высокие сводчатые потолки, украшенные искусными фресками, изображающими подвиги предков рода Воронцовых. Мраморные полы, отполированные до зеркального блеска, отражающие свет сотен свечей. Хрустальные люстры, искрящиеся тысячами огней, переливающиеся всеми цветами радуги. Гобелены, ковры, картины в тяжёлых золочёных рамах. Здесь пахло дорогим деревом, воском, экзотическими цветами, доставленными из далёких тёплых стран. Здесь не было места грязи, боли, страданию. Здесь всё было приглажено, прилизано, спрятано за ширмой респектабельности. Это был мир, где деньги решали всё, где титулы значили больше, чем человеческие качества, а такие, как Леон, были лишь инструментами для поддержания порядка — дорогими, ценными, но всё же инструментами.

Николай Воронцов ждал его в своём кабинете. Это была огромная комната, обшитая тёмным дубом, с высокими книжными шкафами, уставленными фолиантами в кожаных переплётах. На стенах висели портреты предков — суровых мужчин в военных мундирах и наденных женщин в пышных платьях. Все они смотрели на входящих с одинаковым выражением превосходства, словно напоминая, что род Воронцовых существовал столетиями и будет существовать ещё столько же. Сам Николай сидел в глубоком кожаном кресле у камина, лениво потягивая бренди из хрустального бокала. Он был статным мужчиной лет сорока пяти, с благородной проседью в тёмных волосах и глазами цвета выдержанного виски. В этих глазах светился живой, почти юношеский блеск, который так не вязался с его положением и возрастом. В нём чувствовалась энергия, жажда жизни, азарт. Но под этой привлекательной внешностью скрывался расчётливый, холодный, безжалостный хищник. Леон это знал. Он всегда умел видеть суть людей, скрывающуюся за масками.

Когда Леон вошёл, Николай улыбнулся — широко и радостно, словно встретил старого друга, с которым не виделся много лет. Он поставил бокал на стол, поднялся с кресла и сделал несколько шагов навстречу гостю. Его движения были плавными, уверенными, отточенными годами светской жизни.

— Леон! — воскликнул он, разводя руки в приветственном жесте. — Наконец-то! Я уже заждался. Ну, рассказывай, как всё прошло? Я слышал, ты устроил там настоящее ледяное шоу. Слухи распространяются со скоростью лесного пожара.

Леон остановился у двери, не делая попытки подойти ближе. Его белоснежные волосы, собранные в низкий хвост, поблёскивали в свете камина, создавая вокруг головы призрачный ореол. Глаза, светло-серые, как зимнее небо перед бураном, смотрели на аристократа бесстрастно, не выражая ни удовольствия, ни раздражения, ни чего-либо ещё. Он не был заинтересован в дружеских беседах. Он был заинтересован в оплате.

— Всё прошло согласно договорённости. Лидеры обезврежены. Рабочие вернулись к своим обязанностям, — ответил он, не считая нужным вдаваться в подробности. Он знал, что Николай уже знает всё — или, по крайней мере, ту версию, которую ему донесли. Он также

знал, что Николай хочет услышать подтверждение из первых уст, чтобы насладиться своим триумфом.

Николай рассмеялся. Его смех был лёгким, заразительным, но в глубине его слышалось нечто хищное, нечто опасное. Так смеётся человек, который получает удовольствие от чужой боли, который наслаждается своей властью над жизнями других людей.

— «Обезврежены», — передразнил он, растягивая слово, смакуя его. — Ты превратил их в ледяные скульптуры, я слышал! Чёрт возьми, Леон, ты неподражаем! Надо было отправить туда живописца, чтобы запечатлеть это для потомков. Представляешь, какая была бы картина? «Усмирение бунта на северных рудниках». Это стало бы украшением моей галереи.

Леон промолчал. Он не видел в убийстве ничего забавного. Для него это была работа. Механика. Алгоритм. Он пришёл, выполнил задачу, ушёл. Всё остальное — эмоциональная шелуха, на которую Николай был так щедр. Он не осуждал аристократа — осуждать значило бы проявлять эмоции. Он просто не разделял его восторга. Смерть пятнадцати человек не была для него ни трагедией, ни развлечением. Это была неизбежность, вызванная их собственными действиями. Они подняли бунт. Они знали, чем это может закончиться. Они сделали выбор.

Николай, казалось, не замечал холодности мага. Привыкший к подобному поведению за годы работы с наёмниками, магами, убийцами, он поднялся с кресла и подошёл к Леону, положив руку ему на плечо. Леон едва заметно напрягся, но не отстранился. Он не любил прикосновений. Они были нарушением его личного пространства, вторжением в его зону комфорта. Но он сдержал себя. Николай был нанимателем, и пока он платит, его эксцентричность следует терпеть.

— Ты просто дар богов, — сказал Николай, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Я давно искал кого-то вроде тебя. Кого-то, кто не задаёт лишних вопросов, кто делает работу быстро и чисто, кто не оставляет следов. Поэтому я решил расширить наше сотрудничество. У меня слишком много... проблем, с которыми обычные люди не справятся. Политические противники, деловые конкуренты, непокорные вассалы, да мало ли кто ещё! Ты останешься здесь, в особняке. Будешь моим личным «решалой проблем». Плачу вдвое больше, кормлю с моего стола, выделю тебе лучшие покои. Идёт?

Леон обдумал предложение. Оно было рациональным. Стабильный доход, крыша над головой, доступ к ресурсам, возможность не искать новых заказчиков. Ему было всё равно, где жить и на кого работать. Воронцов был платежеспособен, а это главное. Всё остальное — детали, не имеющие значения.

— Приемлемо, — коротко ответил он.

Николай просиял. Его лицо озарилось такой искренней радостью, словно ему сообщили о рождении наследника.

— Отлично! Сегодня вечером будет ужин. Небольшой, для своих. Я хочу представить тебя семье. Думаю, им будет полезно знать, кто теперь живёт с нами под одной крышей.

Эта фраза не вызвала у Леона ничего, кроме лёгкого раздражения. Светские рауты были для него пыткой. Пустая болтовня, фальшивые улыбки, оценивающие взгляды, необхо-

димось поддерживать бессмысленные разговоры ни о чём. Он ненавидел всё это — настолько, насколько вообще мог что-либо ненавидеть. Но он подавил этот порыв. Раз Николай хочет его представить — значит, это часть работы. Это условие контракта. Он кивнул.

Вечер наступил быстро. Особняк засиял ещё ярче, словно готовился к балу, хотя ожидалось всего лишь несколько человек. Слуги сустились, зажигая свечи, расставляя блюда, полируя и без того безупречно чистые поверхности. Леона провели в его новые покои — просторные, обставленные с иголочки, но лишённые для него всякого уюта. Он переоделся в чистую одежду, которую ему предоставили: строгий чёрный камзол, расшитый серебряной нитью, белую рубашку, тёмные брюки. Всё это было сшито на заказ, из дорогих тканей, но Леон чувствовал себя в этой одежде чужим. Он был воином, магом, оружием — а не светским щёголем.

Он спустился в малую столовую. Это была интимная комната, обшитая деревянными панелями, с круглым столом, накрытым белоснежной скатертью. Стол был накрыт на четверых, хотя блюд хватило бы на десятерых. Хрусталь, серебро, фарфор, свечи. Всё дышало богатством, вкусом, вековыми традициями. Николай стоял у камина, беседуя с женщиной, которую Леон видел впервые.

Это была жена Воронцова. Графиня Дарья Воронцова.

Ей было около тридцати. Она была одета в тёмно-синее платье из тяжёлого шёлка, которое идеально подчёркивало её фигуру. Платье было строгим, с закрытым лифом и длинными рукавами, но в этой строгости было что-то невероятно элегантное, что-то аристократическое, что невозможно подделать. Её тёмные волосы были уложены в изысканную причёску, открывающую лебединую шею. В ушах мерцали сапфировые серьги, а на груди покоилась нитка жемчуга, каждая жемчужина которой стоила, вероятно, больше, чем весь урожай северных рудников за год. Она была ослепительно красива. Безупречна, как произведение искусства.

Но дело было не в красоте. Леон повидал много красивых женщин. Красота для него была лишь набором геометрических пропорций, правильных линий, симметрии. Он ценил красоту так же, как ценил бы хорошо выкованный клинок, — но она не вызывала в нём ничего. Нет, его привлекло в ней нечто другое. Нечто, что он не сразу смог определить.

Она повернула голову, услышав его шаги. Их взгляды встретились.

У неё были глаза цвета тёмного янтаря. Глубокие, тёплые, бархатистые. И в них плескалась такая глубокая, такая безысходная печаль, что это сбило Леона с толку. Это было как удар под дых. Как неожиданный выпад противника, к которому ты не был готов. Он почувствовал, как внутри его ледяной брони что-то дрогнуло. Это было похоже на удар тока. На крошечную трещину в монолите его безразличия.

Он привык видеть в людях страх, зависть, жадность, почтение, ненависть. Это были эмоции, которые он научился считывать мгновенно, безошибочно, как открытую книгу. Но печаль такой силы он видел редко. Эта женщина не просто скучала или была несчастна. Она была сломлена. Раздавлена. Уничтожена изнутри, но сохраняющая внешнюю оболочку, как разбитая ваза, склеенная искусным реставратором, — издалека кажется целой, но при ближайшем рассмотрении видны все трещины.

Она держалась с безупречной осанкой, с холодной вежливостью, с той особой манерой, которая вырабатывается поколениями аристократического воспитания. Но Леон, как маг льда, умел чувствовать температуру душ. И её душа была ледяной. Но это был не его лёд — не броня и оружие, не защита и нападение. Это был лёд заточения. Лёд вечной мерзлоты, в которую превратили её жизнь. Это был холод, который не даёт силы, а отнимает её. Холод, который убивает медленно, незаметно, день за днём.

Николай, заметив его, радостно взмахнул рукой.

— А, вот и он! Дарья, дорогая, позволь представить тебе господина Леона. Тот самый маг, о котором я тебе говорил. Прошу любить и жаловать. Теперь он будет жить с нами.

Дарья улыбнулась. Её улыбка была идеальной. Вежливой, светской, отточенной годами практики. Но глаза оставались прежними. Бездонными колодцами тоски, в которых отражался свет свечей, но не отражалась ни одна искра жизни.

— Рада знакомству, господин Леон, — произнесла она. Её голос был мелодичным, приятным для слуха, но каким-то отстранённым, словно она говорила через силу, словно каждое слово стоило ей невероятных усилий. — Наслышана о ваших... талантах.

Она сделала лёгкую паузу перед словом «талантах», и в этой паузе было больше смысла, чем во всех словах, произнесённых за вечер. Она знала о его «талантах». Она знала, что он убил пятнадцать человек несколько часов назад. И она произносила это слово с той особой интонацией, которая могла означать всё, что угодно, — от восхищения до отвращения.

Леон склонил голову в вежливом поклоне.

— Графиня.

Он ничего не сказал больше. Он не умел вести светские беседы. Он не знал, что говорить женщинам, которые смотрят на него с такой смесью любопытства и безысходности. Он продолжал смотреть на неё, пытаясь понять, откуда эта боль. Что делает её такой замороженной внутри? Что сломало её так основательно, так бесповоротно?

За ужином Николай взял бразды правления беседой в свои руки. Он говорил о политике, о ценах на зерно, о новых проектах по расширению рудников, о последних сплетнях двора. Он говорил без остановки, наслаждаясь звуком собственного голоса, не нуждаясь в ответах собеседников. Леон ел молча, отвечая односложно, когда к нему обращались. Дарья также почти не говорила. Она ковыряла вилкой еду, не проявляя к ней никакого интереса, время от времени делая глоток вина.

Леон заметил, что она много пьёт. Не как пьяница, а как человек, стремящийся притупить внутреннюю боль, заглушить голос, который звучит в голове и не даёт покоя. Вино в её бокале заканчивалось слишком быстро, и слуги безмолвно наполняли его снова. Её движения становились чуть более плавными, чуть менее скованными, но печаль в глазах не уходила. Алкоголь не помогал. Он только притуплял остроту, но не залечивал рану.

— А знаешь, Леон, — Николай откинулся на спинку стула, сыто щурясь, — я хочу, чтобы завтра ты разобрался с одним торговцем. Он задолжал мне приличную сумму. Хамит. Говорит, что у него нет денег, а сам, небось, обедает на золоте. Нужно его припугнуть.

Леон оторвал взгляд от Дарьи и посмотрел на своего нанимателя. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Я не занимаюсь выбиванием долгов, — ровно ответил он. — Для этого есть другие люди.

В его словах не было протеста, не было возмущения. Это была констатация факта. Он не хотел этим заниматься. Это было ниже его уровня, ниже его возможностей, ниже его достоинства. Он был Архимагом, а не уличным вышибалой.

— Но ты сделаешь это для меня, верно? — улыбнулся Николай. В его голосе прозвучала сталь. Тонкая, как лезвие, но вполне различимая для того, кто умел слушать. — Ты же теперь мой «решала проблем». А это — проблема. Незначительная, но досадная. Как заноза в заднице. И я хочу, чтобы ты её вытащил.

Леон хотел возразить, но сдержался. Спорить было бессмысленно. Николай был нанимателем. Если он хочет, чтобы его ледяной бог угрожал лавочникам, — его право. Это ниже достоинства Архимага, но Леону было плевать на достоинство. Он был исполнителем. Он выполнял приказы. В этом была его суть, его роль, его функция.

— Хорошо, — ответил Леон.

Он снова посмотрел на Дарью. Она сидела, опустив глаза, вертя в пальцах ножку бокала. Казалось, она вообще не слышала, о чём идёт речь. Или ей было всё равно. Или она слышала всё, но настолько привыкла к подобным разговорам, что они больше не вызывали в ней никаких эмоций. Леон не мог понять. Впервые за долгое время он столкнулся с загадкой, которую не мог разгадать с первого взгляда.

После ужина Николай, извинившись, удалился в кабинет, чтобы просмотреть какие-то документы. Он оставил Леона и Дарью в гостиной наедине — то ли по недосмотру, то ли намеренно, то ли просто потому, что не считал их общество друг для друга чем-то предосудительным. В гостиной стало тихо. Потрескивали дрова в камине, отбрасывая причудливые тени на стены. За окном шёл снег, укрывая город белым покрывалом, приглушая все звуки, создавая ощущение уединённости, изолированности от всего мира.

Леон стоял у окна, глядя на падающий снег. Он не знал, что сказать. Он вообще не был мастером вести беседы, особенно с женщинами, особенно с женщинами, от которых исходило такое ощущение внутренней трагедии. Дарья сидела в кресле у камина, глядя на огонь. Её лицо в свете пламени казалось выточенным из мрамора — прекрасным, но безжизненным.

— Вы не похожи на человека, который ищет выгоду, — неожиданно произнесла Дарья, не поднимая глаз.

Леон удивлённо взглянул на неё. Это была первая за вечер фраза, сказанная ею по собственной инициативе, без прямого вопроса, без необходимости соблюдать этикет. Она говорила то, что думала. Или, по крайней мере, то, что ей хотелось сказать.

— Вы меня совсем не знаете, графиня.

Он ответил ровно, без вызова, без обиды. Просто констатировал факт. Она действительно его не знала. Никто его не знал. Он сам не был уверен, что знает себя.

Она подняла глаза. Лёгкая, горькая улыбка тронула её губы. Это была улыбка человека, который разучился радоваться, но не разучился горько усмехаться над собственной жизнью.

— Я вижу достаточно. Вы другой. Вы словно... сделаны из того же материала, что и снег снаружи. Но вы цельный. Вы такой по своей воле. Я... завидую вам.

Она встала. Она сделала пару шагов к окну, и Леон непроизвольно залюбовался её грацией. В ней чувствовалась порода, но эта порода была сломана и переплавлена во что-то хрупкое и опасное. Она остановилась рядом с ним, но не слишком близко — на расстоянии вытянутой руки. Она смотрела на снег, и её лицо в отблесках уличных фонарей казалось призрачным.

— Николай сломает вас, — тихо сказала она, глядя на падающий снег. — Он использует вас, вытрет ноги, а когда вы станете не нужны... выбросит, как отработанный материал. Как и всех своих инструментов.

Леон услышал в её голосе не предупреждение. Усталость. Фатализм. Она говорила не для того, чтобы предостеречь его. Она говорила для того, чтобы высказать то, что давно носила в себе. Она говорила о себе, о своей собственной жизни, о своём собственном опыте.

— Я не его инструмент, — холодно ответил Леон. — Между нами контракт.

Он произнёс это с уверенностью человека, который верит в силу договоров и обязательств. Но в глубине души он знал, что она права. Николай Воронцов был из тех людей, которые считают весь мир своей собственностью, а всех людей — своими слугами. Контракт для него был лишь формальностью, бумажкой, которую можно разорвать в любой момент.

Дарья обернулась. В этот момент их взгляды снова встретились. И снова между ними пробежала искра. Электрический разряд, который почувствовали оба. Это было не влечение в обычном смысле слова. Это было узнавание. Два человека, замороженные по-разному, но одинаково одинокие, увидели друг друга впервые.

— Все мы здесь его инструменты, — прошептала она. — Или его украшения. Я слышала, вы заморозили людей на руднике. Десятки отцов, сыновей, братьев. Николай рассказал это с таким восторгом, будто вы сотворили чудо. А для него это и есть чудо. Чудо власти.

Она покачала головой и направилась к двери. Её шаги были тихими, почти неслышными, словно она не хотела нарушать тишину, повисшую в комнате.

— Спокойной ночи, господин Леон. Постарайтесь не замёрзнуть здесь окончательно.

Она ушла, оставив его в одиночестве.

Леон стоял у камина, но не чувствовал его тепла. Слова Дарьи задели его. Не потому, что он считал их правдой. Он был Архимагом. Он был сильнее любого аристократа, всех денег и всей власти этого мира. Он не был инструментом. Он был оружием, которое может обратить свою силу против того, кто попытается его использовать. Он был не тем, кого можно выбросить за ненадобностью.

Но она смотрела на него этими бездонными, полными тоски глазами, и впервые за долгое, очень долгое время он почувствовал нечто похожее на сомнение. Сомнение в собственной правоте, в собственном превосходстве, в собственном понимании мира. Она была сломлена, но в её словах была правда, которую он не хотел признавать. Правда о том, что сила — не всегда свобода. Что даже самые могущественные маги могут быть узниками. Что лёд, которым он окружал себя, может стать не только бронёй, но и тюрьмой.

Он смотрел на пламя камина и видел в нём отражение её глаз. Эти тёмно-янтарные, глубокие, печальные глаза, которые, казалось, видели его насквозь. Он знал, что не сможет выбросить этот образ из головы. Он будет возвращаться к нему снова и снова, как возвращаются к загадке, которую не могут разгадать.

Что-то изменилось в эту ночь. Лёд в его груди дал крошечную, почти незаметную трещину. Он не знал ещё, к чему это приведёт. Он не знал, что эта женщина, сломленная и печальная, станет для него опаснее любого врага. Опаснее самой смерти.

Он лишь знал, что в этом доме, полном лжи и роскоши, он впервые почувствовал... холод.

Настоящий, пронизывающий до костей холод одиночества. И это было единственное чувство, которого он не умел контролировать. Единственное чувство, которое пробивало его защиту. Единственное чувство, которое могло его уничтожить.

Глава 2. Избалованная Роза

Прошло две недели с тех пор, как Леон поселился в особняке Воронцовых. Две длинные, тягучие, наполненные рутинной и откровенно унижительной для Архимага работой недели. Работой, которая была ниже его достоинства, ниже его уровня, ниже всего того, к чему он привык за годы служения сильным мира сего. Запугивание должников — жалких, трясущихся от страха людишек, которые не могли вовремя выплатить проценты по займам. Сопровождение Николая на сомнительные встречи в тёмных переулках и задних комнатах трактиров, где решались вопросы, не предназначенные для официальных кабинетов.

Устранение неудобных конкурентов — тех, кто имел неосторожность перейти дорогу могущественному роду Воронцовых, кто посмел усомниться в их праве диктовать условия, кто решил, что может играть по своим правилам в игре, где ставки измерялись золотом, властью и человеческими жизнями.

Это была грязная, мелкая, недостойная его силы работа. Работа, которая больше подошла бы какому-нибудь наёмному головорезу, а не магу его калибра. Но Леон выполнял её с тем же ледяным спокойствием, с каким делал всё в своей жизни. Он был инструментом. Инструментом, заточенным для определённой цели. И инструмент не выбирает, для чего его используют. Не выбирает, чью кровь проливать, чьи дома сжигать, чьи жизни разрушать. Он просто выполняет свою функцию. По крайней мере, так он говорил себе каждое утро, глядя в зеркало на своё бесстрастное лицо, на свои серые, как зимнее небо, глаза, в которых не отражалось ничего, кроме бесконечной, всепоглощающей зимы.

Он повторял это как мантру, как заклинание, способное заглушить тот тихий голос, который иногда — всё реже и реже, но всё же — пытался пробиться сквозь толщу льда, сковавшую его душу. Голос, который спрашивал: «Зачем? Зачем ты здесь? Зачем ты позволяешь использовать себя, как кусок стали, как меч, который достают из ножен только тогда, когда нужно кого-то убить?» Но Леон не слушал этот голос. Он давно научился игнорировать его, подавлять, загонять глубоко в подсознание, где он не мог причинить ему вреда. Потому что этот голос был слабостью. А слабость для Архимага — верная смерть.

Особняк Воронцовых жил своей собственной, скрытой от посторонних глаз жизнью. Жизнью, полной контрастов и противоречий. Утром он наполнялся суетой слуг, снующих по коридорам с подносами, свежим бельём, букетами цветов, заказанными накануне у лучших флористов столицы. Дом просыпался медленно, неохотно, как человек, привыкший к ночному образу жизни. Сначала раздавались осторожные шаги горничных, спешащих подготовить господские комнаты к пробуждению хозяев. Потом — звон посуды на кухне, где повара колдовали над завтраком, стараясь угодить изысканным вкусам обитателей особняка. Затем — приглушённые голоса в коридорах, распоряжения дворецкого, скрип половиц под ногами расторопных лакеев.

Днём здесь царила напряжённая тишина. Та особенная, давящая тишина, которая бывает только в домах, где каждый боится сказать лишнее слово, сделать лишний шаг, привлечь к себе ненужное внимание. Тишина нарушалась лишь деловыми визитами, приглушёнными разговорами в кабинете Николая, шелестом бумаг, доносящимся из-за плотно закрытых дверей. В это время суток особняк напоминал не жилой дом, а скорее штаб-квартиру некой тайной организации, где каждый занимался своим делом, не отвлекаясь на посторонние разговоры.

Вечером особняк преображался. Он словно сбрасывал с себя маску деловой холодности и надевал другую — маску светской роскоши и показного радушия. Зажигались сотни свечей, отбрасывающих причудливые тени на стены, украшенные дорогими гобеленами и картинами в массивных золотых рамах. Из кухни доносились аппетитные запахи жареного мяса, свежей

выпечки, экзотических специй, привезённых из далёких стран. Дом наполнялся гостями — аристократами, чиновниками, военными, всеми теми, кто искал расположения могущественного рода Воронцовых, кто мечтал попасть в круг избранных, кто готов был льстить, интриговать и предавать ради места за этим столом.

Леон старался избегать этих вечеров. Он ссылался на усталость, на необходимость тренировок, на срочные дела. Николай не настаивал на его присутствии, понимая, что Архимаг не создан для светской жизни, для пустых разговоров о погоде и политике, для фальшивых улыбок и притворных комплиментов. Но иногда, когда требовалось произвести впечатление на особо важных гостей — на министра, на генерала, на иностранного посла, — он вызывал Леона, чтобы тот постоял в углу, как дорогая ваза или экзотический зверь, демонстрируя всем, что у Воронцовых есть собственный ледяной маг.

Это была демонстрация силы. Напоминание о том, что род Воронцовых не ограничивается деньгами и политическим влиянием. Что у них есть и другие, более весомые аргументы в борьбе за власть. Аргументы, способные заморозить целую армию, превратить врага в ледяную статую, стереть с лица земли целую деревню. И гости, глядя на Леона, на его неподвижную фигуру, на его холодные глаза, понимали это без слов. Понимали и проникались уважением. Или страхом. Для Воронцовых это было одно и то же.

Леон ненавидел эти моменты. Не той жгучей, активной ненавистью, которая заставляет сжимать кулаки и скрежетать зубами, которая требует немедленного действия, выплеска эмоций. Нет, его ненависть была другого рода. Это было холодное, отстранённое презрение, которое он испытывал ко всему этому миру — миру показной роскоши, фальшивых улыбок и пустых разговоров. Миру, где ценность человека определялась не его делами, а его титулом, не его умом, а его богатством, не его душой, а его связями.

Ему было физически неприятно стоять в углу бального зала, пока на него глазели, как на диковинного зверя в зверинце. Пока о нём перешёптывались, прикрываясь веерами и бокалами с шампанским. Пока какая-нибудь разряженная дама с перьями в волосах, с декольте, открывающим больше, чем позволяли приличия, пыталась заговорить с ним, задавая глупые вопросы о его магии, словно он был фокусником на ярмарке, развлекающим публику дешёвыми трюками.

— А правда, что вы можете заморозить человека одним прикосновением? — спрашивали они с наигранным ужасом в голосе, но с нескрываемым любопытством в глазах.

— А вы можете создать снег в разгар лета? — интересовались другие, восторженно хлопая ресницами.

— А покажите нам что-нибудь! — просили третьи, и в их голосах слышалось то же ожидание чуда, с каким дети смотрят на циркового мага.

Леон отвечал односложно, не поддерживая разговор. Он смотрел сквозь них, словно они были не людьми, а предметами мебели, частью интерьера, не заслуживающей внимания. И рано или поздно от него отставали, обиженно поджимая губы, называя его невежей, дикарём, человеком без манер. Некоторые жаловались Николаю, но тот лишь пожимал плечами, говоря, что его маг — человек особенный, что он не создан для светских бесед, что его сила заключается не в умении вести разговор, а в умении убивать.

Ему было всё равно. Пусть говорят что хотят. Слова не могли причинить ему вреда. Слова вообще ничего не значили в мире, где истинная сила измерялась количеством магической энергии, которую ты мог высвободить за одну секунду. Где вопрос жизни и смерти решался не красноречием, а скоростью реакции. Где выживал не тот, кто умел красиво говорить, а тот, кто умел быстро думать и ещё быстрее действовать.

Дарью Леон видел редко. Она появлялась на ужинах, всегда безупречно одетая, всегда с той же маской светской вежливости на лице, всегда с той же бездонной тоской в глазах. Тоской, которая, казалось, была её постоянным спутником, её неотъемлемой частью, как цвет волос

или разрез глаз. Она почти не разговаривала с ним, ограничиваясь формальными приветствиями и прощаниями. Короткое «добрый вечер», едва заметный кивок головой, холодный взгляд, скользящий по нему, не задерживаясь. И всё. Она не пыталась завязать разговор, не проявляла любопытства, не делала попыток сблизиться. Она вела себя так, словно его не существовало. Словно он был просто ещё одним предметом обстановки, одним из тех безликих слуг, которые появлялись и исчезали по первому зову.

Но Леон чувствовал её присутствие даже тогда, когда её не было рядом. Это было странное, почти мистическое ощущение, которое он не мог объяснить рационально. Он чувствовал её взгляд, скользящий по нему украдкой, когда она думала, что он не замечает. Чувствовал исходящие от неё волны — не магические, а эмоциональные, которые он научился улавливать за годы практики, за годы наблюдения за людьми, за годы попыток понять природу человеческих чувств. В этих волнах смешивались любопытство, раздражение, что-то ещё, что он не мог определить. Какая-то глубокая, затаённая эмоция, которую она тщательно скрывала от посторонних глаз, но которая прорывалась наружу в те моменты, когда она думала, что её никто не видит.

И это беспокоило его больше, чем он готов был признать. Больше, чем он хотел бы признать самому себе. Потому что он привык понимать людей. Это было его профессией, его необходимостью, его способом выживания в мире, где каждый мог оказаться врагом. Он привык читать их намерения, предугадывать их поступки, видеть их слабости и страхи. Это было необходимо для выживания в его мире, где за дружеской улыбкой часто скрывался нож, где союзник мог оказаться предателем, а враг — единственным, кто скажет правду.

Но Дарья оставалась для него загадкой. Неразрешимой, мучительной загадкой, которая не давала ему покоя. Она не была похожа ни на кого из тех, кого он встречал раньше. В ней сочетались противоречивые качества, которые никак не складывались в единую картину, в единый образ, который можно было бы понять и предсказать. Она была то холодна и неприступна, как ледяная статуя, изваянная искусным скульптором, то порывиста и эмоциональна, как пламя, готовое сжечь всё на своём пути. Она была то безразлична ко всему, погружена в свои мысли, отрешена от окружающего мира, то страстно увлечена какой-нибудь мелочью, незначительным событием, которое вдруг становилось центром её вселенной. Она была непредсказуема, непостоянна, изменчива, как погода в горах. И это делало её опасной.

Опасной не в том смысле, что она могла причинить ему физический вред — вряд ли у неё хватило бы для этого сил или умения. Опасной в том смысле, что она могла нарушить его душевное равновесие, выбить его из колеи, заставить его думать о себе, отвлекаться от работы. А это было недопустимо. Для человека его профессии потеря концентрации могла означать смерть. Смерть от руки врага, который не простит ему ни секунды замешательства.

Однажды ночью, когда Леон не мог уснуть, когда сон бежал от него, как будто боялся его ледяного прикосновения, он поймал себя на том, что думает о ней. Это было странно, непривычно, почти противоестественно. Он давно отучил себя от подобных мыслей. Он не думал о женщинах. Он вообще не позволял себе думать о чём-то, что не имело отношения к его работе. Его разум был подобен хорошо отлаженному механизму, который работал только тогда, когда это было необходимо, и не отвлекался на посторонние раздражители. Механизму, который не знал ни сомнений, ни колебаний, ни бесполезных мечтаний.

Но этой ночью механизм дал сбой. Впервые за долгие годы он перестал слушаться своего хозяина и начал жить своей собственной жизнью. В его голове всплывали обрывки воспоминаний, случайные образы, мимолётные впечатления, которые он, сам того не замечая, сохранил в глубинах памяти. Её лицо, освещённое свечами, играющее тенями и полутенями, прекрасное и загадочное. Её руки, сжимающие веер, длинные тонкие пальцы, унизанные кольцами. Её голос, тихий и усталый, когда она говорила с мужем, когда она отвечала на его вопросы короткими, безжизненными фразами.

Он вспоминал её глаза — тёмные, бездонные, полные какой-то невысказанной боли. Боли, которая была глубже, чем просто недовольство жизнью, глубже, чем скука, глубже, чем разочарование. Это была боль человека, который потерял что-то важное, что-то, без чего жизнь теряет смысл. Что-то, что невозможно вернуть. И он задавал себе вопрос, на который не находил ответа: почему женщина, имеющая всё — богатство, положение, красоту, — выглядит такой несчастной?

Ведь у неё было всё, о чём только можно мечтать. У неё был муж — пусть и не самый приятный человек, но влиятельный, богатый, способный обеспечить ей безбедное существование. У неё был дом — огромный, роскошный, полный слуг и дорогих вещей. У неё была красота — та редкая, неброская, но оттого ещё более притягательная красота, которая не бросается в глаза сразу, но чем дольше смотришь, тем сильнее завораживает. И при всём этом она была несчастна. Глубоко, безнадежно, по-настоящему несчастна.

Леон не знал ответа. И это раздражало его. Раздражало сильнее, чем он готов был признать. Он привык находить ответы на любые вопросы. Он привык понимать людей, видеть их насквозь, читать их, как открытую книгу. А она не поддавалась пониманию. Она была закрытой книгой, написанной на неизвестном ему языке. Она была загадкой, которую он не мог разгадать, и эта загадка не давала ему покоя, как не даёт покоя заноза, засевшая глубоко под кожей.

Он пытался выбросить её из головы, убеждая себя, что это не имеет значения, что её душевное состояние — не его забота, что он здесь не для того, чтобы решать её проблемы. Он повторял себе, что она — просто жена его нанимателя, просто женщина, которая живёт в том же доме, что и он. Ничего больше. Но чем больше он старался не думать о ней, тем навязчивее становились мысли. Тем чаще перед его мысленным взором всплывало её лицо. Тем сильнее он чувствовал её присутствие, даже когда её не было рядом.

Всё изменилось в один из тех редких солнечных дней, которые случаются в столице в разгар лета. Дней, когда солнце палит так нещадно, что даже мостовые, кажется, плавятся под его лучами. Город изнывал от жары, необычной для этих северных широт, для этой страны, привыкшей к суровым зимам и прохладному лету. Воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным запахами пыли, пота и увядающих цветов. Даже в прохладных залах особняка, защищённых толстыми каменными стенами, чувствовалась духота. Казалось, что жара проникает повсюду, заползает в каждую щель, в каждый уголок, делая невозможным нормальное существование.

Леон сидел в своей комнате, погружённый в медитацию. Это было его ежедневной практикой, его способом поддержания контроля над своей магией. Ледяная магия требовала от своего носителя абсолютного спокойствия, абсолютного контроля над эмоциями. Малейшая вспышка гнева, малейшее проявление страха могли привести к неконтролируемому выбросу энергии, к замораживанию всего вокруг, к гибели невинных людей. Поэтому Леон тренировался каждый день, оттачивая своё мастерство, укрепляя свою волю, подавляя любые проявления чувств.

Он сидел в кресле у окна, скрестив ноги, положив руки на подлокотники. Его глаза были закрыты, дыхание — медленным и ровным. Он был полностью погружён в себя, в свой внутренний мир, где царил вечный холод и вечный покой. Мир, где не было места эмоциям, страхам, сомнениям. Мир, который он создал для себя сам, чтобы выжить в этом жестоком мире.

В дверь требовательно постучали.

Стук был громкий, настойчивый, нетерпеливый. Это был не стук слуги — робкий, извиняющийся, едва слышный, словно стучащий боялся потревожить покой хозяина. И не стук Николая — уверенный, хозяйский, не терпящий возражений, стук человека, привыкшего к тому, что перед ним открываются все двери. Это был стук человека, привыкшего получать то, что он хочет, и не привыкшего к отказам. Стук, в котором слышалось нетерпение и лёгкое раздражение от того, что приходится вообще стучать, вместо того чтобы просто войти.

Леон не шелохнулся. Он знал, кто стоит за дверью. Он чувствовал её присутствие, её ауру, её нетерпение. Дарья. Впервые за две недели она пришла к нему сама, по собственной инициативе. Это было необычно. Это было подозрительно. И это могло означать только одно: ей что-то от него нужно. Что-то настолько важное, что заставило её преодолеть свою гордость и прийти к человеку, которого она явно не считала достойным своего общества.

Его первым побуждением было не открывать. Притвориться, что его нет в комнате, или что он слишком глубоко погружён в медитацию, чтобы слышать стук. Он не хотел разговаривать с ней. Он не хотел оставаться с ней наедине. В её присутствии он чувствовал себя неуютно, словно она могла видеть сквозь его маску безразличия, словно она могла добраться до той части его души, которую он так тщательно прятал от посторонних глаз. До той части, о существовании которой он сам старался забыть.

Но он понимал, что бегство — это проявление слабости. А он не имел права быть слабым. Ни перед кем. Даже перед ней. Особенно перед ней. Если он уступит сейчас, если он покажет, что боится её, что она имеет над ним какую-то власть, это будет началом конца. Она почувствует свою силу и начнёт использовать её против него. Поэтому он должен был встретить её лицом к лицу, спокойный, невозмутимый, непоколебимый. Как скала, о которую разбиваются волны.

Дверь открылась, не дожидаясь приглашения. Дарья вошла, и с ней в комнату словно ворвался порыв горячего ветра — не физического, а эмоционального. Вихрь чувств, эмоций, невысказанных слов, который заполнил собой всё пространство, вытеснив привычную тишину и покой. Она была одета в лёгкое летнее платье из бледно-голубого шёлка, которое струилось вокруг неё при каждом движении, как вода. Ткань облегала её фигуру, подчёркивая каждый изгиб, каждую линию. Её тёмные волосы были распущены, падая на плечи мягкими волнами, обрамляя лицо, как тёмная рама обрамляет драгоценную картину. На её щеках играл лёгкий румянец — то ли от жары, то ли от возбуждения. Она выглядела не так, как обычно. В ней было что-то новое, что-то, чего Леон не видел раньше. Капризность. Требовательность. Ожидание. Словно она пришла сюда не просто так, а с какой-то целью, которую собиралась достичь любой ценой.

— Господин Леон, — произнесла она, останавливаясь посреди комнаты. Её голос был звонким, повелительным, совершенно не похожим на тот тихий, усталый голос, который он слышал в их первую встречу. В этом голосе звучала уверенность человека, привыкшего отдавать приказы, человека, который знает, что его слово — закон для окружающих. — Мне нужно с вами поговорить.

Леон медленно открыл глаза. Он сделал это нарочито медленно, демонстрируя, что она не имеет власти над ним, что он не подчиняется ей, что он сам решает, когда и как реагировать на её появление. Он сидел в кресле у окна, скрестив ноги, положив руки на подлокотники. Его поза выражала абсолютное спокойствие, абсолютную невозмутимость. Он не встал, не поклонился, не сделал ни одного движения, которое можно было бы истолковать как знак уважения или подчинения. Он смотрел на неё своими холодными серыми глазами, в которых не было ни интереса, ни любопытства, ни каких-либо других эмоций.

— Слушаю, графиня, — ответил он ровно.

Его тон, лишённый всякого подострастия, казалось, ещё больше разозлил её. Её глаза сузились, губы сжались в тонкую линию. Она явно привыкла к другому обращению. Она привыкла, что мужчины вскакивают при её появлении, рассыпаются в комплиментах, ловят каждое её слово, как драгоценный дар. А этот человек даже не потрудился поднять задницу с кресла. Этот человек смотрел на неё так, словно она была не прекрасной женщиной, а надоедливой мухой, от которой хочется поскорее избавиться.

— Мне скучно, — заявила она, и в её голосе прозвучало столько каприза, что Леону на мгновение показалось, что перед ним не взрослая женщина, а избалованный ребёнок. — В

этом проклятом городе стоит такая жара, что невозможно дышать. Я задыхаюсь в этих четырёх стенах. Я хочу, чтобы вы сделали кое-что для меня.

Она сделала паузу, ожидая его реакции. Ждала, что он спросит, что именно ей нужно. Ждала, что он проявит хотя бы видимость интереса. Леон не отреагировал. Он продолжал смотреть на неё своим обычным, ничего не выражающим взглядом, словно не услышал её слов. Это, казалось, вывело её из себя ещё больше.

— Вы что, оглохли? — резко спросила она, и в её голосе появились истерические нотки. — Я сказала, что мне скучно. Я хочу, чтобы вы заморозили пруд в саду. Прямо сейчас. Чтобы я могла покататься на коньках. В разгар лета! Это было бы восхитительно! Все будут говорить об этом! Весь город будет говорить о том, как графиня Воронцова катается на коньках в июле!

Леон молчал несколько секунд, переваривая услышанное. Он ожидал многого. Он ожидал, что она попросит его о какой-то услуге, возможно, о защите, возможно, о помощи в побеге от мужа. Он ожидал, что она попросит его использовать магию для какой-то практической цели — например, чтобы сохранить продукты от порчи или чтобы создать лёд для лечения. Но это... это было настолько нелепо, настолько абсурдно, настолько оторвано от реальности, что он на мгновение усомнился, правильно ли он её понял.

— Вы хотите, чтобы я заморозил пруд, — медленно произнёс он, словно пробуя слова на вкус. — Для того, чтобы вы могли покататься на коньках. В разгар лета.

— Именно! — воскликнула Дарья, и в её глазах вспыхнул азартный огонёк. — Это же так скучно — сидеть в четырёх стенах, обмахиваясь веером, как какая-то старуха. Я хочу развлечься! Я хочу веселья! А вы можете устроить мне это развлечение. Это же так просто для вас, правда? Вы же Архимаг! Вы можете заморозить целое озеро! Что вам стоит какой-то жалкий пруд?

Леон почувствовал, как внутри него поднимается что-то, похожее на раздражение. Это было редкое чувство для него, почти забытое. Он приучил себя не испытывать эмоций, не позволять внешним раздражителям влиять на его внутреннее состояние. Он был как камень, о который разбиваются волны, как скала, которая выдерживает любые бури. Но эта женщина, с её капризами и требованиями, каким-то образом пробивала его защиту. Она говорила с ним так, словно он был её личным слугой, словно его магия была игрушкой, которую можно использовать по её прихоти. И это задевало его сильнее, чем он ожидал.

Он вспомнил тех, кто пал от его руки. Вспомнил лица врагов, искажённые ужасом перед смертью. Вспомнил тех, кто умолял его о пощаде, стоя на коленях в снегу, обещая всё что угодно в обмен на жизнь. Вспомнил сражения, в которых он участвовал, и разрушения, которые он оставлял после себя. Он, Архимаг, прошедший через сотни сражений, уничтоживший десятки врагов, должен тратить свою силу на то, чтобы заморозить пруд для развлечения скукающей графини? Это было оскорбительно. Это было унижительно. Это было... неправильно.

— Нет, — сказал он коротко.

Дарья уставилась на него, не веря своим ушам. Она явно не ожидала отказа. Она не могла представить, что кто-то может отказать ей, графине Воронцовой, жене одного из самых влиятельных людей империи. Её лицо медленно заливалось краской — на этот раз от гнева, а не от жары. В её глазах мелькнуло что-то похожее на шок, на неверие, на оскорблённое достоинство.

— Что вы сказали? — переспросила она, и её голос стал ледяным, острым, как осколок стекла.

— Я сказал: нет, — повторил Леон всё тем же ровным, бесстрастным тоном. — Я не буду замораживать пруд для вашего развлечения. Это бессмысленная трата магической энергии. Если вам скучно, найдите себе другое занятие. Почитайте книгу. Вышейте что-нибудь. Сходите на прогулку.

Он понимал, что его слова звучат оскорбительно. Он понимал, что говорит с ней как с капризным ребёнком, а не как с графиней. Но он не мог заставить себя говорить иначе. Её

просьба была настолько нелепой, настолько оторванной от реальности, что он не видел смысла в соблюдении этикета. Она пришла к нему с абсурдным требованием, и он ответил ей соответственно. Она не заслуживала другого ответа.

Дарья побледнела, потом покраснела снова. Её руки сжались в кулаки, грудь вздымалась от учащённого дыхания. Она была в ярости. В такой ярости, какой Леон не видел ни у кого за последние годы. И это было... интересно. Он не ожидал, что его отказ вызовет такую бурную реакцию. Он думал, что она просто надуется и уйдёт, как это делают избалованные аристократки, когда не получают желаемого. Но она не уходила. Она стояла перед ним, кипя от гнева, и в её глазах горело что-то, что он не мог назвать. Что-то тёмное, опасное, необузданное.

— Как вы смеете? — прошипела она, делая шаг к нему. — Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне? Я — графиня Воронцова! Я — хозяйка этого дома! Вы — всего лишь наёмник, которого мой муж подобрал на улице! Вы должны быть благодарны за то, что вам позволяют дышать одним воздухом со мной!

Леон поднял бровь. Это было единственное проявление эмоций, которое он себе позволил.

— Я благодарен вашему мужу за щедрую оплату, — ответил он. — Не вам. И я не обязан развлекать вас. В моём контракте не указано, что я должен замораживать пруды для скушающих графинь.

— Ах, вот как! — воскликнула Дарья. — Значит, вы считаете себя слишком важным для этого? Слишком великим? Вы, с вашим ледяным лицом и ледяным сердцем, считаете себя выше меня?

Она подошла ещё ближе. Теперь она стояла прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки. Её глаза метали молнии, её дыхание было частым и неровным. Она была похожа на разъярённую кошку, готовую в любой момент выпустить когти. Леон смотрел на неё и не мог не признать, что в этом состоянии она была ещё красивее, чем обычно. Гнев придавал её лицу живость, краску, страсть, которых ей так не хватало в обычные дни, когда она носила свою маску светской вежливости. В гневе она была настоящей, живой, полной энергии.

— Знаете, что я думаю? — продолжала она, понизив голос до свистящего шёпота. — Я думаю, что вы просто боитесь. Боитесь показать, что вы тоже человек. Что у вас тоже есть чувства. Что вы не просто ледяная статуя, а живое существо. И поэтому вы прячетесь за своей маской безразличия, как улитка прячется в раковине.

Леон медленно поднялся с кресла. Он сделал это не потому, что почувствовал угрозу, а потому, что не хотел, чтобы она нависала над ним. Теперь он возвышался над ней, глядя сверху вниз, но она не отступила, не опустила глаза. Она продолжала смотреть на него с вызовом, с яростью, с чем-то ещё, что он не мог определить. Это «что-то» беспокоило его. Оно было похоже на... понимание? На осознание? На догадку?

— Вы ошибаетесь, графиня, — произнёс он тихо, но в его голосе появилась едва уловимая стальная нотка. — Я не боюсь. Мне просто всё равно. Есть разница.

— Вам всё равно? — Дарья горько рассмеялась. — Вам всё равно на всех и на всё? На моего мужа, который использует вас как цепного пса? На этих несчастных на руднике, которых вы превратили в лёд? На меня?

Она сделала ещё один шаг, и теперь между ними оставалось не больше ладони. Леон чувствовал тепло её тела, запах её духов — что-то цветочное, с нотками цитруса. Это было непривычно, некомфортно, но он не отстранился. Он не хотел показывать, что она хоть как-то влияет на него. Он стоял, как скала, неподвижный, бесстрастный, бесчувственный. По крайней мере, так он хотел выглядеть.

Но внутри него что-то происходило. Что-то, чего он не мог контролировать. Её близость, её запах, её горячее дыхание — всё это проникало сквозь его защиту, как вода проникает

сквозь трещины во льду. Он чувствовал, как его пульс учащается, как кровь быстрее бежит по венам. Это было странно. Это было неприятно. Это было... пугающе.

— Вам всё равно? — повторила она, и её голос дрогнул. — Тогда почему вы смотрите на меня так, как не смотрит ни один мужчина? Почему в ваших глазах я вижу что-то, что пугает меня больше, чем вся ваша магия?

Леон не ответил. Он не знал, что ответить. Он действительно не знал, почему он так на неё смотрит. Он не знал, что она видит в его глазах. Он сам не видел ничего, кроме собственного отражения в её зрачках. Но её слова задели его. Они проникли глубже, чем он хотел бы признать. Потому что она была права. Она была права в том, что он смотрел на неё иначе, чем на других женщин. Она была права в том, что в его глазах было что-то, чего не было раньше. Но он не знал, что это. И он не хотел знать.

Пауза затянулась. Они стояли друг напротив друга, разделённые лишь несколькими дюймами воздуха, и молчали. В комнате было тихо, только слышалось их дыхание — его ровное и спокойное, её неровное и взволнованное. За окном пели птицы, но их пение казалось далёким, нереальным, словно доносилось из другого мира. В этот момент они были отрезаны от всего остального, словно находились в собственном маленьком мире, где не было ни мужа, ни обязанностей, ни магии — только они двое и это странное, напряжённое молчание.

— Хорошо, — наконец произнесла Дарья, отступая на шаг. Её голос снова стал холодным, но в нём появилась новая нотка — решимость. — Если вы не хотите замораживать пруд, сделайте что-нибудь другое. Создайте ледяные скульптуры в моём саду. Такие, которые не тают. Чтобы они стояли вечно, напоминая всем о моей красоте и о вашем могуществе.

Леон смотрел на неё, пытаясь понять, серьёзно ли она. Она была серьёзна. В её глазах горел тот же капризный огонёк, что и в начале разговора. Она действительно считала, что имеет право требовать от него таких вещей. Она действительно считала, что он должен исполнять её прихоти, как исполняет приказы её мужа. Она не видела разницы между делом и развлечением, между необходимостью и капризом. И это было одновременно и раздражающе, и... забавно? Нет, не забавно. Скорее, утомительно.

— Нет, — повторил он.

На этот раз Дарья не стала возмущаться. Она просто улыбнулась — холодной, злой улыбкой, которая совершенно не вязалась с её прекрасным лицом. В этой улыбке было что-то такое, от чего у Леона по спине пробежал холодок, хотя он был неуязвим для холода. Это была улыбка человека, который не привык проигрывать и сделает всё, чтобы добиться своего.

— Вы пожалеете об этом, — сказала она. — Вы пожалеете, что отказали мне. Я умею ждать. И я умею мстить.

Она развернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью так, что эхо разнеслось по всему коридору. Леон остался стоять посреди комнаты, глядя на закрытую дверь. В воздухе всё ещё витал запах её духов, и этот запах почему-то не давал ему сосредоточиться.

Он подошёл к окну и выглянул в сад. Внизу, среди ухоженных клумб и аккуратно подстриженных кустов, сверкал на солнце пруд. Тот самый пруд, который она хотела заморозить. Тот самый пруд, который стал причиной их первой ссоры.

Леон смотрел на воду, и в его голове крутились её слова. «Я умею мстить». Он не боялся мести избалованной аристократки. Он не боялся ничего. Но впервые за долгое время он почувствовал, что в его жизни появился фактор, который он не может контролировать. Фактор, который может оказаться опаснее любого врага. И этот фактор носил имя Дарья.

Он не знал, что она задумала. Он не знал, как она будет мстить. Но он знал одно: эта женщина не оставит его в покое. Она будет возвращаться снова и снова, требуя, провоцируя, испытывая его терпение. И однажды, возможно, её капризы перерастут во что-то большее. Во что-то, что изменит всё.

Леон отвернулся от окна. Он не собирался думать об этом. Он не собирался позволять какой-то капризной графине нарушать его душевное равновесие. Он прошёл к креслу, сел и снова закрыл глаза, возвращаясь к медитации. Но в его сознании, как назойливая муха, билась одна мысль: «Почему её слова задели меня сильнее, чем должны были?»

Он не нашёл ответа. И это беспокоило его больше всего.

Прошло три дня. Три долгих, напряжённых дня, в течение которых Леон не мог избавиться от ощущения надвигающейся бури. Дарья не появлялась. Она не приходила к нему, не посылала слуг с новыми требованиями, не пыталась мстить. Она просто исчезла из его поля зрения, словно их разговора никогда не было. Но Леон знал, что это затишье обманчиво. Он чувствовал, как вокруг него сгущается невидимая сеть интриг, как в особняке начинает происходить что-то, ускользающее от его внимания.

Он заметил, что слуги стали смотреть на него как-то иначе. В их взглядах появилось что-то новое — не страх, не почтение, а скорее любопытство, смешанное с настороженностью. Они перешёптывались за его спиной, но замолкали, когда он проходил мимо. Один из лакеев, обычно вежливый и услужливый, вдруг стал держаться от него на расстоянии, словно боялся заразиться. Горничные отводили глаза, встречаясь с ним взглядом. Даже старый дворецкий, служивший Воронцовым уже не первый десяток лет, смотрел на него с каким-то странным выражением, которое Леон не мог расшифровать.

Это было неприятно. Леон не привык к такому обращению. Раньше его либо боялись, либо уважали, либо ненавидели — но никогда не относились к нему с таким подозрительным любопытством, словно он был прокажённым или сумасшедшим. Он понимал, что Дарья, должно быть, распустила о нём какие-то слухи. Но какие? Что она могла о нём сказать? Что он отказал ей в какой-то мелочи? Что он был груб с ней? Это было так по-детски, так мелко, что он не мог поверить, что она на это способна.

Но она была способна. Он уже понял, что она не из тех, кто прощает обиды. Она была из тех, кто копит их, лелеет, а потом обрушивает на обидчика всю свою злость одним ударом. Он видел таких людей раньше. Они были опасны не своей силой, а своей непредсказуемостью. Никогда не знаешь, откуда придёт удар.

Николай, казалось, ничего не замечал. Он был поглощён своими делами, своими интригами, своей бесконечной погоней за деньгами и властью. Он по-прежнему вызывал Леона для решения «проблем», по-прежнему платил щедро, по-прежнему не задавал лишних вопросов. Но иногда, в редкие моменты затишья, Леон ловил на себе его взгляд — оценивающий, холодный, расчётливый. И в этом взгляде было что-то, что заставляло его настораживаться.

Николай не был глупцом. Он прекрасно знал, что его жена красива и что мужчины смотрят на неё. Он прекрасно знал, что Леон — мужчина, который живёт под одной крышей с его женой. И хотя он не подавал виду, Леон подозревал, что в глубине души Николай уже начал что-то подозревать. Возможно, именно поэтому он стал реже приглашать Леона на семейные ужины. Возможно, именно поэтому он старался не оставлять их наедине. Возможно, он боялся, что его жена и его наёмник найдут общий язык.

На четвёртый день после их ссоры Леон, проходя мимо сада, услышал голоса. Он остановился, скрытый за густыми зарослями сирени. В саду были Дарья и её служанка — та самая, которая обычно помогала ей одеваться и причёсываться. Они сидели на каменной скамье у фонтана, и Дарья что-то оживлённо рассказывала. Её голос был звонким, почти детским, совершенно не похожим на тот, который Леон слышал раньше.

— ...и тогда он посмотрел на меня так, словно я была пустым местом! — возмущённо говорила Дарья. — Представляешь, Мари? Он посмел отказать мне! Мне! Графине Воронцовой!

— Да, госпожа, — тихо ответила служанка. — Это неслыханно.

— Неслыханно! — подхватила Дарья. — Он, должно быть, возомнил себя выше всех нас. Выше самого императора! Но я ему покажу. Я ему докажу, что нельзя безнаказанно игнорировать меня.

— Как, госпожа? — спросила Мари, и в её голосе слышалось любопытство, смешанное с тревогой.

Дарья рассмеялась. Это был лёгкий, серебристый смех, который звучал бы очаровательно, если бы не злобные нотки, скрытые в его глубине.

— Есть много способов, Мари. Мужчины так предсказуемы. Они все одинаковы, и все реагируют на одно и то же. Ревность, например. Или уязвлённая гордость. Или... желание обладать тем, что им не принадлежит.

Она сделала паузу, и Леон увидел, как она задумчиво смотрит на фонтан, на воду, которая переливалась на солнце.

— Он ледяной, этот наш Архимаг, — продолжила Дарья задумчиво. — Но даже лёд тает, если его правильно нагреть. Нужно только найти правильный... источник тепла.

Леон не стал дослушивать. Он бесшумно отступил в тень и продолжил свой путь. Его лицо оставалось бесстрастным, но в душе что-то шевельнулось. Она задумала что-то. Что-то, что должно было заставить его пожалеть о своём отказе. И это «что-то» включало в себя игру на его эмоциях — на тех самых эмоциях, которые он так тщательно подавлял.

Он не боялся её интриг. Он был слишком силен, чтобы какая-то капризная аристократка могла причинить ему вред. Но впервые за долгое время он почувствовал... интерес. Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.